

**ПРИСТАВ – ОСНОВНОЕ ЗВЕНО В АППАРАТЕ
ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ПОЛИЦИИ В НАЧАЛЕ XX В.**

Аннотация. В статье представлена характеристика функций, структуры и состава института полицейских приставов. В центре внимания также находится проблема роли и места данного учреждения в процессе взаимодействия между властью и обществом в начале XX в. Анализ некоторых аспектов деятельности полицейских приставов позволяет сделать выводы о недостаточной эффективности традиционных для самодержавного государства репрессивных структур в условиях модернизации начала прошлого века.

Ключевые слова: пристав, провинциальная полиция, правительственная политика, местная администрация, полицейские функции.

G. V. Garbuz

**DISTRICT POLICE SUPERINTENDENT AS
MASTER LINK OF PROVINCIAL POLICE AT
THE BEGINNING OF THE 20th. CENTURY**

Abstract. This article examines activity, structure and staff characteristics of police officer institute. The problem of the role and place of this institution in cooperation between authorities and society at the beginning of the XX century is point of focus. The analysis of some aspects of chief police officers activity had been concluded a weak efficiency of repressive institutions, which were traditional for absolute monarchy in the context of social development at the beginning of the last century.

Key words: chief police officer, local police, government policy, local administration, police service.

Для российского самодержавия традиционно была характерна полицейская направленность. Контроль над общественной жизнью являлся одной из основных функций государственного аппарата на всех этапах развития самодержавной государственности. В начале XX в. в процессе охватившей страну модернизации, в связи с ростом общественного движения, эти

тенденции усиливаются. Основная роль в осуществлении охранительной политики отводилась полицейским учреждениям, отсюда особое внимание правительства к их функционированию и развитию.

В административном аппарате губернии институт общей полиции был самой разветвленной и многочисленной структурой. Основной задачей полицейских учреждений всех уровней было обеспечение безопасности населения, охрана законности и правопорядка, ведение дел, связанных с общественным благоустройством и казенным управлением на вверенной им территории, а также оказание помощи органами судебного и военного ведомств в осуществлении некоторых их функций [1].

Полицейские органы наделялись широкими правами по осуществлению возложенных на них обязанностей. Полиция могла участвовать в предварительном следствии, проводить розыскные мероприятия, осмотр мест преступления, изъятие вещественных доказательств, проводить обыски и аресты. Она имела право просматривать паспорта и отбирать в случае необходимости вид на жительство, вести гласный и негласный надзор за лицами, подозреваемыми в неблагонадежности, а также осуществлять их высылку за пределы губернии. В случаях крайней необходимости полиция имела право применять оружие [2, с.54].

Неспособность царской администрации действовать традиционными методами в условиях возросшей конфронтации между властью и обществом привела к усилению чрезвычайных мер в управлении. В период революции 1905–1907 гг. во многих губерниях было введено положение усиленной охраны. После спада революционной волны местные руководители всеми силами стремились сохранить чрезвычайные полномочия; в Пензенской губернии положение усиленной охраны отменили только в 1912 г. [3, л.128].

В условиях положения усиленной охраны на территории губернии полномочия полиции по охране правопорядка и государственной безопасности существенно расширялись. Она обязана была следить за исполнением обязательных постановлений, издаваемых губернаторами, проводить предварительное задержание лиц, подозреваемых в государственных преступлениях или принадлежности к противозаконным сообществам, налагать арест на имущество, проводить по собственному усмотрению ночные обыски (в обычных условиях это право было ограничено и строго регламентировано).

Главными исполнителями полицейских функций на местах были «всеобъемлющие и вездесущие, но плохо оплачиваемые» приставы [2, с. 63]. Каждый крупный город делился на полицейские части, которыми руководил частный пристав, а каждый уезд – на станы во главе со становым приставом. Пристав лично осуществлял взыскание окладных платежей и недоимок, вел учет запасных, составлял описание стана, осуществлял прописку паспортов. Опираясь на подчиненных ему урядников и стражников, он пресекал беспорядки, проводил дознания, взыскивал денежные средства в пользу частных лиц, осуществлял надзор за поднадзорными лицами на территории стана, содержал арестованных и т.д.

О характере и структуре дел, находившихся в производстве у полицейского пристава, можно судить по сохранившимся служебным документам. Приставом первого стана Чембарского уезда Пензенской губернии в 1908 г. было составлено 604 протокола. Из них 250 протоколов о кражах, 104 – о пожарах, 42 – о нанесении тяжких телесных повреждений, 37 – о скоропостижных и случайных смертях, 36 – о незаконной порубке леса, 16 – о нарушении питейного устава, 7 – об участии крестьян в аграрных беспорядках, 3 – об убийствах, остальные по более мелким преступлениям и проступкам [4, л.117].

Несмотря на то, что приставы обладали значительным арсеналом средств для выполнения поставленных перед ними задач, осуществление ими своих непосредственных обязанностей осложнялось рядом обстоятельств. В первую очередь, огромным количеством функций, возлагавшихся на полицию, но напрямую не относящихся к ее компетенции. Полицейский чиновник часто был главным проводником правительственной политики на местах. Полицейские исполняли обязанности судебных приставов, наблюдали за выполнением санитарного и пожарного уставов, собирали всевозможные статистические данные и т.д. В проекте реорганизации полиции, который был внесен в Государственную думу в 1913 г., предусматривалось 317 отдельных обязанностей, незаконно возложенных на полицию и подлежащих сложению [5, с. 153]. Р. Пайпс объясняет это тем, что зачастую «полиция и жандармерия были единственными средствами проведения в жизнь распоряжений других министерств» [6, с. 87]. Но нередко органы полиции просто дублировали другие государственные учреждения. Так, учет запасных нижних чинов и сбор недоимок, при наличии должностей воинских начальников и податных инспекторов, давали колоссальную работу полиции, оставляя без дела эти специальные органы.

Численность полицейского аппарата, находившегося в распоряжении пристава, явно не соответствовала размерам подведомственной территории. Если в городах до 1906 г. по штатному расписанию один городской приходился на 500 жителей, то в сельской местности при комплектовании полицейских учреждений численность населения вообще не учитывалась. В результате в 1905 г. в Самарском уезде на одного полицейского приходилось 12 446 жителей [7, с.55–61]. Введение в сельской местности полицейской стражи существенно увеличило штаты уездной полиции, но численность защитников правопорядка по-прежнему оставалась недостаточной для эффективной работы. На территории первого стана Чембарского уезда Пензенской губернии проживало в 1908 г. 63 798 человек. В распоряжении станового пристава находилось 11 урядников и 9 стражников. Таким образом, на каждого полицейского приходилось более 3 000 жителей [4, л.117об.].

Огромные размеры станов и большое число жителей делали физически невозможным выполнение приставом всех своих обязанностей в полном объеме. Находясь в постоянных разъездах, приставы взваливали основную часть делопроизводства на плечи своих письмоводителей. Найти толкового помощника за 15–20 руб. в месяц было трудно, поэтому бумаги, выходявшие из канцелярий некоторых становых приставов, по выражению старшего советника Пензенского губернского правления В. П. Попова, часто годились «лишь для юмористических журналов» [4, л.116 об.]. Не успевая всюду, приставы поручали выполнение своих обязанностей урядникам даже в тех случаях, когда это было запрещено законом, но в силу малочисленности и слабой компетентности последних это мало облегчало положение. Опереться на сельскую полицию в должной мере было нельзя, поскольку она комплектовалась далеко не самыми авторитетными членами общины.

По Табели о рангах должность полицейского пристава относилась к IX классу. В 1837 г., когда была введена должность станового пристава, законодательно определялось, что ее должны занимать местные дворяне. К началу XX в. ситуация коренным образом изменилась. Сложность и непрестижность полицейской службы приводили к тому, что если на высших полицейских постах еще преобладали выходцы из служивого дворянства и разночинцы, то низшие классные должности, особенно после указа 5 октября 1906 г. «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей», занимали представители низших сословий (крестьянства и мещанства).

Профессиональная подготовка кандидатов на должность полицейского пристава не проводилась. Для получения первого классного чина в местном административном аппарате достаточно было иметь начальное образование на уровне городского или уездного училища. Но некоторые полицейские приставы не имели образовательного ценза и поэтому числились лишь исполняющими обязанности, не обладая всеми правами занимаемой должности. Часто они начинали свой служебный путь простыми урядниками. Накопленный таким чиновником за годы службы опыт позволял справляться с возложенными на него обязанностями, однако его уровень развития и кругозор явно не соответствовали занимаемой должности, что отрицательно влияло на профессиональную компетентность.

Некомпетентность, грубость и произвол, широко распространенные в провинциальной полиции, а также преобладание репрессивных функций в ее деятельности, бросали на полицию тень в глазах общества. Непрестижность службы делала полицейских чиновников своего рода париями местного бюрократического аппарата. Перейти на службу в другое административное учреждение для полицейского пристава было почти невозможно. Вершиной его карьеры могла стать должность уездного полицейского исправника. Это делало должность полицейского чиновника непривлекательной в глазах амбициозных молодых представителей высших слоев провинциального общества.

Не последнюю роль в таком отношении играл материальный фактор. Проблемой провинциальной полиции было недостаточное финансовое обеспечение. Современники отмечали, что русская полиция самая дешевая в сравнении с другими европейскими государствами. Годовой оклад полицейского пристава составлял в 1906 г. – 770 руб., в 1914 – 930 руб. Для российской провинции начала XX в. это весьма скромный доход [2, с. 40].

Сходные проблемы определяли качественный состав подчиненного пристава полицейского аппарата. В особо тяжелом материальном положении был младший состав полицейских учреждений. В Пензе младший городской получал в 1905 г. всего 10 рублей в месяц [8, л.1]. Местная администрация в таких условиях не могла позволить себе быть особенно разборчивой в отборе кандидатов на низшие полицейские должности. Вступительные испытания проводились формально, никакой предварительной подготовки полицейских кадров не велось. В результате в начале XX в. в низовом звене поволжской полиции сложилась удручающая ситуация. Самарский губернатор В. В. Якунин с

горечью констатировал, что многие урядники оказались совершенно незнакомы с правилами службы, были грубы, мало дисциплинированы и «совершенно не ознакомлены с составом начальствующих лиц!» [9, л.23]. Среди стражников встречались совсем неграмотные. Низкий уровень профессиональной компетентности был существенной помехой в деятельности провинциальной полиции.

Огромный объем обязанностей, возложенных правительством на провинциальную полицию, превращал полицейского пристава в основного проводника правительственной политики на местах. Но в начале XX в. институт полицейских приставов мало соответствовал тем задачам, которые перед ним ставились. Плохое материальное обеспечение и постоянное увеличение административной нагрузки снижали престиж полицейской службы. На должности приставов нередко приходили люди, не обладавшие должной профессиональной компетентностью. Оставляя желать лучшего и полицейский аппарат, находившийся в подчинении у приставов. Все эти проблемы существенно снижали эффективность провинциальной полиции, а значит, и всей правительственной политики в целом.

Библиографический список

1. Свод законов Российской Империи. – СПб., 1897. Т. II. – Ч. 1. – Стб. 61. ст. 680 ; стб. 63. ст. 683-684.
2. Снегирев И. Безопасность и полиция. – Витебск, 1912. – 125 с.
3. Российский Государственный исторический архив. Ф. 1276. Оп. 8. 1912. Д. 77.
4. ГАПО. Ф. 6. Оп. 1а. Д. 197.
5. Деникин А. И. Очерки русской смуты // Вопросы истории. – 1990. – № 5.
6. Пайпс Р. Русская революция. – М. : Росспэн, 1994. – Ч. 1. 398 с.
7. Адрес – календарь Самарской губернии на 1906 г. – Самара, 1905. – 147 с.
8. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 7566.
9. Центральный государственный архив Самарской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4630.

Referenses

1. Svod zakonov Rossijskoj Imperii. T. II. Ch. 1. – SPb., 1897.– Stb. 61. st. 680.; stb. 63. st. 683–684.
2. Snegirev I. Bezopasnost' i politsiya. – Vitebsk, 1912. – 125 s.
3. Rossijskij Gosudarstvennyj istoricheskij arkhiv. F. 1276. Op. 8. 1912. D. 77.
4. GAPO. F. 6. Op. 1a. D. 197.
5. Denikin A. I. Ocherki russoj smuty // Voprosy istorii. – 1990. – № 5.
6. Pajps R. Russkaya revolyutsiya. CH. 1. – M. : Rosspehn, 1994. – 398 s.
7. Adres-kalendar' Samarskoj gubernii na 1906 g. – Samara, 1905. – 147 s.
8. Gosudarstvennyj arkhiv Penzenskoj oblasti (GAPO). F. 5. Op. 1. D. 7566.
9. Tsentral'nyj Gosudarstvennyj arkhiv Samarskoj oblasti. F. 1. Op. 1. D. 4630.

Информация об авторе

Гарбуз Георгий Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории Отечества, государства и права, Пензенский государственный университет, г. Пенза, e-mail: ggarbuz@rambler.ru

Author

Garbuz Georgy Vladimirovich – Candidate of History, associate professor, History of Motherland, State and Law department, Penza State University, Penza, e-mail: ggarbuz@rambler.ru